

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
 Филологический факультет, кафедра математической лингвистики
 Профессор, доктор филологических наук

St. Petersburg State University, Russia
 Philological Faculty, Dep. of Applied Linguistics, Professor, Dr. Sci. (Philology)
 s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

ТАНАТОЛОГИЯ ЛАНДШАФТА

Ввиду неразработанности представлений о цикле существования ландшафта, стадиях его развития и деструкции, рассмотрение этих реалий с точки зрения общей витологии даёт шанс заполнить существующие концептуальные лакуны. В таком случае ландшафт предстает как организм, со свойственным ему сложным устройством. Важнейшей способностью организма является генерирование разного типа регулярностей, как нарушение которых проявляется жизнь. Деструкция и утрата регулярностей приводит к трупобразованию, крайним проявлением которого является редукция организма к его телу, а далее и деструкция этого тела. Смерть же проявляется как утрата нарушения регулярностей.

Ключевые слова: ландшафт, организм ландшафта, тело ландшафта, жизнь ландшафта, труп ландшафта, смерть ландшафта, кадавризация ландшафта, общая витология.

LANDSCAPE AND THANATOS

The theory of landscape constituted many conceptual gaps until nowadays. In this article landscape is regarded from the viewpoint of the general vitology as a complex organism which constitutes as its main feature the generation of various regularities. Life is regarded here as the interruption of these regularities, and death is regarded as their loss and destruction lead to corpse-formation when the organism is reduced to the body and then to the destruction of this body.

Key words: landscape, organism of landscape, life of landscape, corpse of landscape, death of landscape, cadavrization of landscape, general vitology.

45

Ландшафт: его организм и труп в жизни и смерти

Разговор о танатологии ландшафта может показаться чем-то вполне необязательным, если рассматривать смерть ландшафта как простую метафору. Однако, как было показано¹, в рамках витацентрической витологии² смерти

ландшафта может быть придан вполне точный терминологический смысл.

¹ Чебанов С.В. Смерть как извращение жизни // Труды конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества». Фигуры танатоса. 5 специальный выпуск. СПб: СПбГУ,

1995. С. 78-83; его же: Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С.339-406; Chebanov S.V. Theoretical biology in biocentrism // Lectures in Theoretical Biology. Tallinn: Valgus. 1988. P. 159-167.

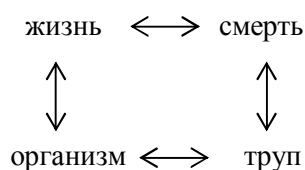
² Моисеев В.И. От биологии к витологии: новая точка зрения на феномен живого существа // Методология биологии: новые идеи (синергетики, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 222-233.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

В таком случае развиваемый подход будет основываться на следующей тетраде категорий:

Указанные категории понимаются следующим образом.

Организм понимается как сложное целое, обладающее большим числом важных отличительных свойств. К ним относятся:

- наличие строения, т.е. динамически устойчивого определенного соотношения частей, которые принципиально подобны целому (предфрактальность);
- определенное соотношение центральных и периферических механизмов управления;
- способность различающихся частей порождать новые различия частей;
- изменчивость, определяющая неожиданность организма самому себе;
- наследование последующих состояний организма особенностей его предшествующих состояний и т.д.³

Организм представляет собой единство его тела, имеющего определённые геометрическую форму и размеры, локализацию в пространстве, время существования, и волну действия, делокализованную в пространстве-времени. Тело при этом можно рассматривать как область наиболее высокой концентрации действий⁴.

Важнейшим свойством организма является поддержание им определенного набора регулярностей. Среди таких регулярностей есть как циклические (околосуточные, годовые и другие ритмы организмов, сукцессионные циклы биоценозов, циклы Кондратьева в экономике, циклика, связанная с

Галактическим годом, и т.д.), так и с линейной последовательностью событий (реакция организмов на дефицит питания, тепла, влаги, изменения ландшафта под действием ливней, смерчей, землетрясений и т.д.).

Организмы могут иметь самую разную природу – это могут быть кристаллы, планеты, солнечные системы, облака, смерчи, микробы, растения, животные, общественные организации, партии, учреждения и т.д. и т.п. В каждом из перечисленных случаев организм выступает как субстрат, телесная составляющая *существа* – особой отдельности, экземпляра, которое как-то обозначено на предметном языке (кристаллический индивид, планета, особь, организация и т.д.) и описывается с помощью специфического для данной отрасли знания понятийного аппарата. В данной работе в качестве существа рассматривается ландшафт.

Организм ландшафта как существа обладает характерными чертами:

- определенным строением, предполагающим наличие тех или иных местностей, урочищ и фаций;
- процессами, которые диктуются как совокупностью управляющих обстоятельств, сформировавших этот ландшафт и придавших его динамике некоторую автономность, так и экзогенными факторами;
- самыми разными регулярностями – циклическими (суточными, сезонными, сукцессионными, связанными с разными фазами галактического года) и нециклическими (оврагообразование, распространение борщевика Сосновского, деятельность человека, превращающая его в вид-эдификатор местностей, ландшафтов и ландшафтных зон, и т.д.).

Жизнь с точки зрения развиваемого подхода проявляется как нарушение регулярностей. Это не означает отмену существования регулярностей, а утверждает существование событий, появление которых не определяется проявлением действия этих регулярностей, а имеет место безотносительно к ним. Так, например, человек, являющийся законопослушным гражданином (а может быть, даже,

³ Чебанов С.В. Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С.339-406.

⁴ Chebanov S.V. Umwelt as life world of living being // Semiotica. Vol. 134 – 1/4, 2001. P. 169-184.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

юристом), имеющий представление о здоровом образе жизни для своего возраста, зарекомендовавший себя в глазах близких как разумно ведущий себя семьянин, незамеченный в пристрастии к чтению беллетристики и т.д., т.е. являющийся организмом, которому свойственно большое число самых разнообразных регулярностей, может в один прекрасный вечер решить по дороге домой зайти в попавшийся ему на глаза книжный магазин и купить развлекательный роман Дюма. Затем на протяжении многих недель и даже месяцев его поведение ничем не будет отличаться от привычного. В таком случае это покупка будет единственным событием, в котором проявится жизнь этого гражданина, причем это событие никак не отменяет действия множества регулярностей, но происходит помимо них, хотя и возможно благодаря им.

Можно, конечно, сказать, что и этот поступок закономерен – человек зашёл в книжный магазин, а не в оказавшуюся случайно в городе пещеру горного короля, купил книгу, а не археоптериса, роман Дюма, а не пьесу в стихах Л. И. Брежнева и т.д. (абсурдность приводимых примеров призвана проиллюстрировать проблематичность выявления полного пространства элементарных событий, знание которого необходимо для создания алгоритма). Можно привести также более или менее резонные суждения по каждому из этих вопросов, но это только породит серию следующих подобных вопросов. Принципиальная же постановка вопроса может быть дана в рамках алгоритмической теории вероятности А. Н. Колмогорова⁵ – можно ли и как отличить бесконечно длинный алгоритм от отсутствия алгоритма?

Сознавая неверифицируемость ответа на этот вопрос, представляется всё же целесообразным давать на него положительный ответ, но полагать, что различение наличия бесконечно длинного алгоритма и его отсутствия осуществляется экс-

пертно⁶, являясь компонентом личностного знания⁷.

Разные организмы в разной мере благоприятны для проявления нарушения регулярности. Так, для исправных механических часов единственным таким нарушением будет в каждом цикле их завод. Какие-то непредвидимые остановки и отклонения от равномерности хода будут иметь место только при неисправности часов как организма. Напротив, скажем, существование организмов таких существ как птицы или звери предполагает наличие практически необозримого набора регулярностей, в нарушениях каждой из которых может проявляться жизнь. Поэтому такие организмы потенциально значительно более жизненаполнены, чем механические часы. Именно поэтому живость растений, животных и человека не вызывает сомнений даже с точки зрения носителя обыденного сознания.

Так или иначе, факт наличия нарушения регулярностей остается. Это и дает основание говорить о том, что жизнь обнаруживает себя как чудо на фоне закономерностей, свойственных организму. При этом если жизненаполненность организма высока, в нём часто обнаруживаются нарушения регулярностей, то можно сказать, что проявляется *жизнь как хроническое чудо*.

Так понимаемую жизнь следует противопоставить *функционированию организма*, которое осуществляется за счет действия свойственных организму регулярностей. Идеально правильное функционирование организма выступает как *автомат*. Функционирование организма и проявления в нём жизни складываются в *активность существа*, вклад в интенсивность которой вносится благодаря проявлениям жизни и функционированию организма. Оценка степени интенсивности общей активности и каждого её компонента также осуществляется экспертно.

⁶ Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Экспертные оценки. М.: Наука, 1973. 162 с.; они же: Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1980. 264 с.

⁷ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

⁵ Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т.1. №1. С. 3–11.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Если теперь вернуться к основному предмету рассмотрения, то как проявление *жизни ландшафта* можно рассматривать те или иные отклонения явлений природы от климатических норм (аномалии фенологии), необычные разливы рек или необычное по частоте и интенсивности выпадение осадков, осуществляемые человеком инновации, влияющие на ландшафт (вырубки, запруды, пал на больших территориях, пахоты целины или залежных земель) и реакция ландшафты на них, необычные колебания численности популяций (в т.ч. антропогенные) и т.д. Всё это создаёт тот неповторимый рисунок событий в ландшафте, который делает его притягательным (или – в некоторых ситуациях – отталкивающим) для человека и выступает как *жизнь ландшафта*. В случае чистого функционирования ландшафта как автомата такой непредсказуемости не было бы и тогда пребывание в ландшафте ничем не отличалось бы от присутствия в искусно сделанном фильме о нём (см. идею фантоматов⁸).

Отмеченное обстоятельство позволяет обсудить несколько примечательных вопросов.

Во-первых, можно рассмотреть разные варианты пребывания человека в ландшафте. Тогда если человек намерен жить в ландшафте, то для него интересна и ценна жизнь этого ландшафта. Тогда он будет, скажем, помнить, что в **XXXX** году зима была очень холодной, а поэтому пришлось особо утеплить свой дом и часто видеть пейзаж за окном сквозь морозные узоры, а в год **YYYY** необычайно буйно цвела сирень и весь дом был в её букетах. И то, и другое может быть сопряжено и с радостью, и с печалью, напоминать о близком человеке или вызывать в памяти то, что хотелось бы забыть навсегда, и т.д. Но в ландшафте можно и пребывать, а не жить. Тогда все эти подробности ни к чему и нужно обеспечить такое отправление порядка вещей, чтобы независимо от зимней погоды в доме с климат-контролем было бы тепло как летом, окна всегда были бы свободны ото льда, а сирень была бы в доме и в разгар зимы, и поздней

осенью. Жизнь ландшафта в этом случае не имеет никакой ценности и было желательно сделать функционирование ландшафта наиболее устойчивым. Для этого мог бы подойти и фантомат Ст. Лема. Нечто подобное реализовывалось, скажем, в XVIII веке в Летнем саду в Санкт-Петербурге – в клетках зверинца были обманки пушных зверей, а не живые животные (как и искусственные растения, бывшие в самом саду), что более соответствовало эстетике французского регулярного парка⁹ (ср. отвержение принцессой живых соловья и розы в «Свинопасе» Г. Х. Андерсена).

Во-вторых, подобным образом можно отнестись и к перемещению в ландшафте. Так, можно пересекать его чисто функционально и тогда всякое отклонение от графика движения, низкое качество дороги, непредвиденные события, требующие дополнительного внимания, будут источником огорчения или раздражения для целеустремлённого человека, для которого ландшафт выступает как пространственная преграда при осуществлении его деятельности. Для него в ландшафте будет важным надежное функционирование транспортной инфраструктуры, а не непредсказуемые проявления его жизни. Однако, можно проявлять и интерес к непредсказуемым проявлениям жизни ландшафта, к тому, что задерживает передвижение, к причинам этих задержек, к тому, что составляет предмет непредвиденных разговоров с обитателями этого ландшафта, к их нуждам и заботам и т.д. В таком случае может сложиться картина жизни ландшафта, а передвижение даже по хорошо знакомой местности превратиться в путешествие (это может касаться даже перехода на другую сторону хорошо знакомой улицы).

В-третьих, различая жизнь и функционирование ландшафта, можно отличить путешествие от других видов перемещения в ландшафте, наделён-

⁹ Чебанов С. В. Типология семиотических зачёркиваний в реконструкции Летнего сада // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2014, №3. С. 47-57.

⁸ Лем С. Сумма технологий. М., Мир 1968. 608 с.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

ных полионтикой. Под полионтикой понимается такая картина мира, которая составлена из систематизированных представлений принципиально разного онтолого-эпистемического статуса, например, ясного представления о сущем наряду с представлениями о должном (в том числе, должном с нравственной точки зрения), умения виртуозно оперировать с идеальными объектами и навыком сложной лабораторной работы с неповторимым в своём многообразии эмпирическим материалом, данными извлекаемыми из карты и наблюдений на местности и т.д., что свойственно интеллигентному человеку¹⁰. Путешествие в этом контексте можно интерпретировать как герменевтику череды мест в полионтике¹¹, включающей в себя конкретный ландшафт, в котором находится путешественник, предварительное знание этого ландшафта по литературным источникам, рассказам очевидцев (включая тех, кто путешествовал раньше), изучения коллекций, отчётов и другого камерального материала, и знания и навыки, полученные в ходе общепрофессиональной подготовки. Эвристический эффект путешествия определяется сличением ожиданий увидеть нечто со сведениями, извлечёнными из того, что увидено в его ходе. При этом важно как совпадение, так и несовпадение ожидаемого и увиденного. Путешествие будет таким перемещением в ландшафте, при котором предварительное знание ландшафта построено на образах, а то, что увидено касается жизни ландшафта. При этом организация путешествия, будучи ориентированной на постижение жизни ландшафта, не может быть (в идеале) жестко регламентированной ни

¹⁰ Чебанов С. В. Интеллигенция: ценность полионтологий и межкультурный диалог // Дифференциация и интеграция мировоззрений: экзистенциальный и исторический опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып.20. СПб: Эйдос, 2004. С. 197–219.

¹¹ Каганский В. Л. Путешествие в ландшафте и культуре: Школа по теоретической биологии «Мир путешествий. Мастерство путешествий» (С.-Петербург, 26 марта-1 апреля 2000 г.) // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3-18.

предусмотренным временем путешествия, ни тем, чему во время путешествия уделяется внимание, ни способом фиксации материала и т.д. Строго говоря, мастерство путешествий¹² вообще не подчиняется принципам «Рассуждение о методе»¹³ и результаты, полученные путешественниками по одному маршруту разными путешественниками могут быть не похожи друг на друга, принадлежа к сфере личностного знания¹⁴.

От путешествия радикально отличается экспедиция. Её маршрут, график его прохождения, пакет готовящихся по её результатам отчётных документов строго определены, а результаты работы двух экспедиций одного профиля должны быть идентичны. При этом как и путешествие, экспедиция строится на основе полионтики (в данном случае, жестко структурированной полионтологии) – сличения картины, сложившейся перед проведением экспедиции и картины, сформировавшейся в ходе экспедиции, однако обе картины представляют изучаемый ландшафт жестко аспектуально, а жизнепроявления этого ландшафта осложняют и запутывают исследователя, квалифицируются как отскоки в наблюдениях, заставляя учитывать особенности погоды или другие подробности года проведения экспедиций, близость дат их проведения, имевшие за разделяющее их время необратимые изменения ландшафта и т.д.

Описанное различие не исключает того, что экспедиция как организм будет кем-то или всеми участниками экспедиции использована для осуществления наполненного жизнепроявлениями путешествия, в то время как для кого-то из вспомогательного состава это может удовлетворить потребность в бродяжничестве, а для кого-то оказаться экскурсией¹⁵. С другой стороны, если среди путе-

¹² Родман Б. Б. Искусство путешествий // Наука о культуре. Итоги и перспективы. Вып. 3. М., 1995. С. 79-85.

¹³ Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. М.: АН СССР, 1953. С.9-66.

¹⁴ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

¹⁵ Проблемник Школа-семинар «Мир путешествий. Мастерство путешествий»

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

шествующих окажется жесткий лидер, преследующий свои очень чётко определённые практически цели, то путешествие, вопреки намерениям участников, может превратиться в экспедицию.

Приводимая трактовка соотношения организма и жизни имеет известные богословские аналогии. Так, существует представление о том, что освобождение, даруемое Новым заветом, невозможно без Закона, даваемого Ветхим заветом (ср.: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем», Рим, 3, 31), а один из ведущих современных католических теологов Дж. Хот рассматривает непредсказуемость процесса как **достаточно** условие для трактовки эволюции как проявления Божественного Творения¹⁶.

Богословие несколько проясняет и представление об интенсивности активности. Один из крупнейших восточно-христианских богословов св. Григорий Палама, живший в Византии в XIV веке, рассматривая нетварные энергии, говорил о наполненности ими ангелов и последовательном ослаблении их присутствия в человеке и животных¹⁷.

Теперь можно обратиться к оставшимся нерассмотренными членам тетрады.

Трупом является организм, лишённый функционирования. Переход к состоянию трупа более или менее очевиден при одновременном прекращении всех или многих ведущих функций. Поэтому так легко распознать труп млекопитающего. Сложнее дело с низшими беспозвоночными или высшими растениями, у которых, как и у ландшафта, может происходить локальное парциальное отрупление¹⁸ (здесь этот вопрос обсуждаться не будет).

URL:

<http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/problem.htm> б.г. (дата обращения 26.10.15).

¹⁶ Хот Дж. Бог после Дарвина. Богословие эволюции. М.: ББИ, 2011. XII + 236 с.

¹⁷ Киприан [Керн] архм. Антропология Григория Паламы. Париж: Ymka-Press, 1950. 444 с., гл.5-7; полный текст: PG. t. 150, col. 1209 C – 1212 A.

¹⁸ См. Чебанов С. В. Смерть как извращение жизни // Труды конференции «Тема смерти в духовном опыте

Применительно к ландшафту говорить о его трупе можно, когда функционирование организма ландшафта невозможно из-за его сильного разрушения (землетрясение, ураган, излияние лавы, смерчи, пожары, ковровые бомбардировки, падения крупных метеоритов, ядерные взрывы) или консервации (фиксации), делающей невозможным всякое проявление активности вследствие внешнего воздействия (поглощение барханом, лавой, вулканическим пеплом, цементом, асфальтом и т.д.).

При этом, однако, труп ландшафта, как и любой другой труп, сразу же становится строительным материалом, субстратом для других организмов. Так, в трупе ландшафта могут оказаться сохранившимися отдельные фации, урочища или даже местности, которые в относительно неизменном или изменённом виде будут интегрироваться во вновь складывающийся ландшафт.

При этом какие-то процессы, имевшие место в ландшафте прекращаются (вегетация растений и процессы выветривания пород, оказавшихся погребёнными, течение потоков, оказавшихся на горизонтальных поверхностях, аэробное разложение бывших на дневной поверхности органических остатков), а процессы, характерные для вновь возникающего ландшафта еще не установились (оказавшиеся на дневной поверхности слои грунта ещё не покрылись растительностью, не прошёл процесс задреновывания, не сформировались новые устойчивые потоки, с их ложем, долинами, плакором и т.д.). Именно такое кратковременное переходное состояние и можно квалифицировать как труп ландшафта. Подобные процессы касаются и того, что стало результатом частичного отрупления.

Смерть проявляется как рассеивание, исчерпание жизни, при которых вклад непредсказуемости в активность организма становится всё меньше (ср. М. Ф. К. Биша: жизнь – сопротивление смерти¹⁹). Частичная одержимость организма смертью проявляется как его некротизация, проявляю-

человечества». Фигуры танатоса. 5 специальный выпуск. СПб: СПбГУ, 1995. С. 78-83.

¹⁹ Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. С. 220-223.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

щаяся при относительно небольшой степени некротизации в нарастании регулярности, уменьшении вклада непредсказуемости в общую активность организма, а при большой степени некротизации – в утрате самих регулярностей, уменьшении их разнообразия и сложности вследствие разрушения организма, его отупления.

Указанные явления и процессы можно охарактеризовать более подробно.

Итак, образование труп ландшафта имеет место вследствие быстротекущих интенсивных процессов, охватывающих весь ландшафт или значительную его часть, приводящих к разрушению многих компонентов ландшафта или их консервации, исключая протекание характерных процессов (см. выше). Так, проседания грунта и техногенные землетрясения являются примерами таких процессов трупобразования ландшафта. При этом имеет место появление трупов людей и животных (прежде всего, крупных и относительно крупных), разрушение построек и других компонентов культурного ландшафта, а также и культурного ландшафта в целом (хотя и происходящее за счёт антропогенных воздействий), взрывообразное нарушение целостности дневной поверхности и практически моментальное захоронение её фрагментов и т.д., т.е. происходит выраженная деструкция *тела* ландшафта. Всё это позволяет говорить о том, что ландшафт подвергается интенсивной деградации, выражающейся в интенсивном трупобразовании и сопровождающем его нарушении многих свойственных ландшафту регулярностей. В силу последнего обстоятельства можно констатировать понижение активности ландшафта как существа, при большой степени выраженности которого ситуацию с обыденной точки зрения можно квалифицировать как смерть ландшафта.

В подобной ситуации, как и в других ситуациях тотального трупобразования, воспринимаемого как смерть, начинаются быстрые изменения труп (со скоростями на порядки больше характерных для функционирования умершего организма, когда он был живым). Так, в случае мгновенного проседания грунта при землетрясениях

осуществляется перемешивание компонентов ландшафта, на дневной поверхности появляется то, что залегало на некоторой глубине, а растительный покров оказывается погребённым и т.д. В результате возникает нехарактерное расположение существовавших компонентов ландшафта, необычные их сочетания, часть компонентов разрушается вплоть до полного уничтожения и т.д. Возникает некое относительно непродолжительное состояние, при котором на определённой территории присутствует совершенно незакономерный конгломерат разнородных компонентов.

Считать ли такой конгломерат ландшафтом? Применительно к комплексам живых организмов экологи бы сказали, что в такой ситуации имеет место присутствие не биоценоза, а ассоциации организмов, которая со временем может трансформироваться в биоценоз. Подобная трансформация начинается и с трупом ландшафта, причем такая трансформация может быть довольно быстрой, после чего восстанавливаются более или менее плавные процессы трансформации вновь складывающегося ландшафта (которые применительно к биоценозам выступают как сукцессии²⁰).

Ландшафты также вовлечены в некие аналоги сукцессий. Так, горная страна может превратиться со временем в равнину или нагорье, сельский ландшафт превратиться в городской, культурный ландшафт подвергнуться одичанию и ренатурализации и т.д. Подобные ситуации нельзя квалифицировать как разрушение, трупобразование или смерть ландшафта, поскольку в этих случаях сохраняется закономерная трансформация ландшафта. Разрушение же, трупобразование или смерть ландшафта прерывает такие сукцессиоподобные трансформации ландшафты. Причиной прерывания этих трансформаций ландшафта, источником его смерти и разрушения являются чрезвычайные воздействия такие как крупные пожары, извержения вулканов, землетрясения, смерчи,

²⁰ Разумовский С.М. Избранные труды: Сборник научных статей. М.: КМК Scientific Press, 1999. 560 с.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

оползни, взрывы, выбросы сероводорода и метана, военные действия и т.д.

Образование труп ландшафта может быть сопряжено не только с быстрыми деструктивными его изменениями, но и с его консервацией, своего рода аналогом фоссилизации организмов и биоценозов, возникновение танатоценозов, тафоценозов и ориктоценозов²¹. Так происходит если ландшафт заливается лавой, засыпается вулканическим пеплом или песком наступающих дюн, подвергается оледенению или заилению (подводные ландшафты²²). Антропогенным аналогом подобных процессов является бетонирование и асфальтирование аэродромов, космодромов, строительных площадок под промышленные сооружения, дорог и т.д. Подобные процессы позволяют представить себе идеальный труп ландшафта – это будет некая территория, на которой разрушены все компоненты рельефа до превращения в строго горизонтальную поверхность и которая залита эпоксидной смолой. Однако и такая поверхность будет подвержена выветриванию, со временем она будет разрушаться, на ней будут появляться микроорганизмы и лишайники, т.е. таким или иначе, хотя и медленно, будет идти процесс витализации этого трупа.

Такова общая картина рассмотрения ландшафта с позиций общей витологии²³. Теперь можно остановиться на некоторых частных вопросах, связанных, прежде всего, с отруплением, витализацией, некротизацией ландшафта и их балансом.

Некротизация, отрупление, разрушение организма и трупобразование

Разрушение организма ландшафта. Помимо изменений, возникающих под воздействием спонтанных процессов или неантропогенных воздействий, тело ландшафта может целенаправленно, хотя и не всегда осознано, разрушаться человеком. Примером такого разрушения может быть подсечно-огневое земледелие, приводящее к исчезновению лесов, возникновение Пыльного котла в прериях США и Канады в 1930-36 гг. или пыльных бурь в Казахстане в 1962-63 гг. вследствие распашки целины, что запустило процессы деградации почв и опустынивания.

Разрушение тела ландшафта может идти и за счет депривации считающихся нежелательными проявлений его функционирования. Так, хорошо известны негативные эффекты осушительной и оросительной мелиорации, остро дискутируется целесообразность регулирования уровня рек за счёт строительства водохранилищ, предотвращение осадков или их стимулирование за счёт введения специальных реагентов в атмосферу и т.д.²⁴

В некоторых случаях могут подвергаться локальной деградации отдельные фации и урочища того или иного ландшафта, например, за счёт перевыпаса скота или чрезмерной рекреационной нагрузки. Специфической формой последнего является визуальное разграбление ландшафта, когда тот или иной пейзаж или даже специфический ракурс становятся предметом бесчисленного мультиплицирования туристами²⁵. Иногда со временем

²¹ Ефремов И. А. Тафономия и геологическая летопись. М.: АН СССР, 1950. 178 с.

²² Петров К.М. Подводные ландшафты: Теория, методы исследования. Л.: Наука. Ленингр. Отд., 1989. 124 с.

²³ Моисеев В.И. От биологии к витологии: новая точка зрения на феномен живого существа // Методология биологии: новые идеи (синергетики, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 222–233; Чебанов С. В. Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С.339-406.

²⁴ Активные воздействия на облака и туманы. М.: Гидрометеиздат, Моск. Отд., 1992. 188 с.; Назаров Н. Н. Гидрологические последствия осушительной мелиорации и русловые процессы // Географический вестник. Пермь. 2014. №4. С.4-10.

²⁵ Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте и культуре: Школа по теоретической биологии «Мир путешествий. Мастерство путешествий» (С.-Петербург, 26 марта-1 апреля 2000 г.) // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3-18; Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

(обычно при снижении антропогенной или скажем вулканической нагрузки) может происходить полная или частичная регенерация фаций, урочищ или всего ландшафта.

Некротизация ландшафта. Более сложным типом деградации ландшафта является его некротизация, заключающаяся в том, что уменьшается жизненность ландшафта. Она может проявляться в разных формах.

Более простым и наглядным является ситуации, при которой сохраняется строение организма ландшафта, но в нём становится всё меньше ситуаций нарушения свойственных этому ландшафту регулярностей. В неантропогенном ландшафте выявить такое положение дел можно за счет кропотливого анализа длинных временных рядов данных по большому набору характеристик. В антропогенных или испытывающих значительное антропогенное влияние ландшафтах это с очевидностью присутствует в случаях, когда человек стремится жестко зарегулировать идущие в нём процессы, причем зарегулировать обеспечивая не только постоянные параметры ландшафта, но и их закономерные колебания (уровень грунтовых вод, сроки полива, сева и сбора урожая, косыбы, время включения/выключения освещения населённых пунктов и путей сообщения и т.д.).

Такая зарегулированность и сверхзарегулированность может быть отчасти приемлема для глубоко урбанизированных территорий с по сути дела техногенно синтезированным ландшафтом и видами деятельности в большой мере независимыми от процессов смены дня и ночи²⁶, времен года, погодных условий и т.д. Такой с технологической точки зрения идеальный вариант функционирования, однако, с неизбежностью приводит к катастрофам (так, перебои с элетро- и водоснабжением, в

работе связи и т.д. в Германии или США приводят к гораздо более ощутимым для населения проблемам, чем в Греции или России, в городах они проявляются ярче, чем в сельской местности и т.д.) или заводит в тупик (совершенство и сложность функционирования требуют высокой специализации, уменьшая способность к адаптации, в особенности, к адаптации к среде с непредсказуемыми свойствами²⁷). В итоге относительно незначительные изменения условий функционирования могут разрушить весь организм (привести к тотальному отруплению), на котором как на субстрате только и может обнаружить себя жизнь (например, образование трупа города как совершенного культурного ландшафта если он какое-то время оказывается без источников энергии).

Яркой формой некротизации является планирование проявлений жизни – планирование творчества (художественного, технического, научного, педагогического и т.д.), любви, рождения детей, подвигов и т.д. Во всех таких случаях речь идет об имитации жизни как форме некротизации, которые будут рассмотрены далее.

Применительно к агроландшафтам²⁸, которые потенциально могут быть высоко витальными в силу самого факта присутствия в них большого числа живых организмов, это будет выражаться в стремлении к тому, чтобы жестко планировать и регламентировать все агро- и зоотехнические мероприятия безотносительно к погодным условиям, кратковременным вариациям климата, текущей эпидемиологической и эпизоотической ситуации и даже к специфике географического положения в ландшафте. Видимо именно необходимость приравниваться к непредсказуемости варьирования указанных обстоятельств и дала основание классикам марксизма говорить об «идиотизм[е] деревен-

576 с.; Проблемник Школа-семинар «Мир путешествий. Мастерство путешествий» URL: <http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/problem.htm> дата обращения 26.10.15).

²⁶ Кочухова Е. С. Non-stop: время мегаполиса // Сумма философии. 2007. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 128-131.

²⁷ Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 322 с.

²⁸ Недикова Е.В. Оптимальные соотношения земельных угодий сельскохозяйственных организаций на агроландшафтной основе // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2012. № 8. С. 45–53.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

ской жизни»²⁹, объявляя крестьянина мелким собственником и скорбя о невозможности высокой концентрации сельского пролетариата. Это предвосхитило и все провалы СССР в сфере производства продуктов питания, которые были обеспечены централизованных плановым способом ведения хозяйства. Указанная некротичность планирования ярко демонстрирует принципиальную несовместимость марксизма с жизнью, не исключая его утилитарную пригодность для обеспечения функционирования созданного организма в течении некоторого (не очень большого) времени за счет привлечения значительных ресурсов.

Ландшафт-нежить. Более глубокая некротизация ландшафта проявляется в его превращении в нежить³⁰. Под нежитью понимается такой наделённый разумом организм, который замечательно функционирует, но в котором нет проявлений жизни, что осознаётся им и поэтому он начинает придумывать мероприятия по демонстрации жизни (например, мечтая о протезировании души), которые с неизбежностью оказываются более или менее искусной её имитацией. Применительно к ландшафту о нежити можно говорить в случае культурного ландшафта, который заселен преимущественно людьми-нежитями. Таким, например, является образцовый советский город, представленный, скажем, в кинокомедиях Г. В. Александрова, в котором нет больных и больных, покойников и кладбищ, рожениц и родильниц, нищих и богатых, верующих и священников, а соответственно, и храмов, обидчиков и обиженных, где все постоянно бодр и веселы, светит солнце и нет ненастья и т.д. Воплощения таких городов приходилось видеть в Кировске на Кольском полуострове или в Набережных Челнах 1980-ых гг.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 428.

³⁰ Чебанов С.В. Смерть как извращение жизни // Труды конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества». Фигуры танатоса. 5 специальный выпуск. СПб: СПбГУ, 1995. С. 78-83

Другой эталон такого ландшафта – Диснейленд в качестве идеального образца города массовой культуры, в котором при отсутствии будней постоянно присутствует праздничный карнавал. Именно желание демонстрировать отсутствующую жизнь и обеспечивает свойственный городу бешенный ритм жизни, который только усугубляется занятиями физкультурой на свежем воздухе, коллективными гуляниями босиком по росистой траве или шествиями к лесному ручью за ключевой водой (ср. описываемый Стругацкими курортный город и дрожки в нем³¹).

Ещё более сложные формы некротизации сопряжены с более или менее глубокими дисфункциями организма.

Одним вариантом такого процесса является последовательно увеличивающееся локальное отрупление организма при сохранении в нем проявления витальности. Такую ситуацию описывает Б. Л. Пастернак, характеризуя одну из двух групп посетителей библиотеки в Юрятине: «старожилы из местной *интеллигенции*, ... среди которых преобладали женщины, бедно одетые, переставшие следить за собой и опустившиеся, были нездоровые, вытянувшиеся лица, обрюзгшие по разным причинам, – от голода, от разлития желчи, от отеков водянки. Это были завсегдатаи читальни, лично-знакомые с библиотечными служащими и чувствовавшие себя здесь, как дома»³².

Дальнейшие фазы этого процесса описаны в стихотворении Е. Ф. Куниной «Дольше всего продержалась душа»:

Ум старика подается, скрипит,
Глохнет, немеет, ночами не спит,
Память – лохмотья, изъедена ткань,
Первая жалкая возрасту дань.
Тело? О теле и не говорит,

³¹ Стругацкие А.Н. и Б.Н. Хищные вещи века // Стругацкие А.Н. и Б.Н. Хищные вещи века. М.: Молодая гвардия 1965. С. 9-127.

³² Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5 т. Т. 3. М.: Худож.лит., 1990. С. 286.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Просит пощады у каждой зари...³³

Исключительно важным является то, что присутствующая в душе искра жизни позволяет отдельно взятому человеку включиться в процесс трансформации организма, сопряженный с расцветом жизни, освобождённой от плоти. Если же такие наполненные жизнью люди собираются вместе, то они могут наполнить жизнью, витализировать и весь ландшафт, в котором они пребывают, что видно, например, в сложившемся на месте пустыни ландшафте современного Израиля.

Подобным образом проявляется и витальность растений, которые могут пробиваться через камни, асфальт и бетон городов, охватывая всё новые и новые кварталы заброшенных городов, теряющихся со временем в джунглях (типа Ангкора или Мачу-Пикчу).

Упрощение ландшафта как форма некротизации. Под упрощением ландшафта понимается уменьшение разнообразия структурных, процессуальных, информационных и прочих его составляющих, увеличение его однородности, утрата не только самой гетерогенности, но и упорядоченности перехода от одного его компонента к другому. Совокупность перечисленных особенностей позволяет квалифицировать такой ландшафт в сравнении с исходным для него как отруплённый в значительной степени. Такой отруплённый ландшафт, обладающий меньшим набором регулярностей допускает и меньшее число нарушений этих регулярностей, т.е. оказывается менее жизненнаполненным, т.е. некротизированным. Подобная ситуация характерна для территорий интенсивного возделывания монокультур или ландшафтов с высокой степенью индустриализации (прежде всего, за счет предприятий тяжёлого машиностроения, металлургических и химических производств). Показателен в этом отношении Юг Дальнего востока России с его довольно разнообразным ландшафтом, подобный которому превращается в однород-

ные монокультурные долины агроландшафтов северного Китая (в противоположность очень сложному ландшафту Японии³⁴).

Кадавризация ландшафта. Кадавр в трактовке А.Н. и Б.Н. Стругацких³⁵ – предельно некротизированный и отрупленный, радикально дисфункциональный организм, у которого сохранён и гипертрофирован минимальный набор функций, причем статус этого организма как почти что трупа рано или поздно оказывается проявлен. Таковы мумии правителей деспотий и тотальных режимов в их пирамидах и мавзолеях, единственная функция которых и заключается в том, что они только и требуют демонстрации их почитания: "Сколько надо кумача для злодея Ильича?!" (К.А.Даниленко – ленинградский школьник конца 1960-ых гг.). При этом эти пирамиды и мавзолеи имеют такие размеры, что они оказываются крупными самостоятельными компонентами культурного ландшафта – центрами площадей, районами городов, самостоятельными ландшафтами (прилежащая к стене Кремля юго-западная часть Красной площади в Москве, плато Гиза, Саньянская Долина Пирамид и т.д.). Окончание же исторической эпохи и попадание таких сооружений в окружение другой культуры превращает такие кадавры просто в трупы и проблематизирует «права» этих трупов на организацию окружающего ландшафта.

Взаимодействие некротизации, отрупления, функционирования и витализации ландшафта

В предыдущих разделах были рассмотрены свойственные ландшафту особенности, связанные с проявлением каждого из членов основной тетрады. Теперь можно рассмотреть как они сочетаются в более сложно организованных ландшафтах.

³⁴ Ср.: Каганский В.Л., Родман Б.Б. Поляризованный ландшафт юга Дальнего Востока России (проект экофильной территориальной организации) // Родман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 50–54.

³⁵ Стругацкие А.Н. и Б.Н. Понедельник начинается в субботу: Сказка для научных работников младшего возраста. М.: Детская литература, 1965. 224 с.

³³ Кунина Е.Ф. Дольше всего продержалась душа... URL: <http://babiki.ru/blog/kulturnoe-nasledie/26624.html>, 10.4.2013 (дата обращения 21.03.16).

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Некрогенные ландшафты. Радикальная алармистская охрана ландшафта³⁶, музеефикация или консервация ландшафта, которые осуществляются с целью сохранения отдельных природно-культурных памятников, исторического наследия в целом, коммерческого экспонирования или «элитной» рекреации (типа охоты на львов или слонов) является не только крайним проявлением некрофилии, но и разрушением организма ландшафта. Последнее имеет место в связи с тем, что в соответствии с фундаментальными свойствами ландшафта в нём должны происходить закономерные изменения свойств, связанные с сукцессиями биоценозов, изменениями форм рельефа под действием выветривания (что приводит к изменению структуры катен), 11^{1/2}-годовым солнечным циклом гидрометеорологических и геологических процессов и т.д. Осмысленная же охрана и музеефикация ландшафтов и их компонентов должна учитывать не только неизбежность таких изменений, но и допускать в ходе них активные целенаправленные изменения ландшафта, облагораживающие его (уничтожение паразитов, оптимизация гидрологического режима, урбанистической нагрузки и т.д. – ср. реализацию программы очистки Рейна, избавление от малярии Колхидской низменности, почвоукрепляющие посадки в зонах интенсивной денудации почвы и т.д.).

Танатофилия как проявление психической акцентуации (иногда усугубленная пессимистическим романтизмом), направленной на трупы (человека, других животных, но в принципе и ландшафта), не столь широко распространена (в отличие от граничащей с ней тафофилии), чтобы вносить заметный вклад в лицо ландшафта. Однако, присущее определённой части чиновников и военных, желание видеть ландшафт в виде трупа (будь то описанный выше идеальный эпоксидный плац или

геометрически правильный сад из картонных деревьев с крашенной травой) является ничем иным, как проявлением танатофилии³⁷.

Иначе обстоит дело с тафофилией. Казалось бы невозможно говорить о ней применительно к ландшафту, поскольку сложно представить не только похороны трупа ландшафта, но и сам этот труп. Но в действительности это не такая уж редкость, в особенности применительно к культурному ландшафту.

Речь идет о ситуациях, когда предстоят радикальные изменения значительных территорий и это затрагивает живые интересы населения, обитающего в этом ландшафте. Таковы будут городская или промышленная (включая строительство космодромов, аэропортов с аэродромами, подъездными путями и сопутствующей инфраструктурой, гоночных трасс и т.д.) застройка сельского ландшафта (охватывающая, среди прочего, и находящиеся на застраиваемой территории деревни и сёла), транспортное строительство (железные дороги с их вокзалами, депо, мастерскими, складскими помещениями, автобаны с многоуровневыми развязками и дорожной сетью нескольких уровней разветвленности, судоходные каналы и шлюзы и т.д.), строительство плотин с примыкающими к ним водохранилищами и т.д., а также зоны отчуждения ядерных катастроф и испытаний (вокруг Чернобыля, вблизи Семипалатинска, Кыштыма, на Новой Земле). Во всех этих случаях идёт речь о переселении населения, перенесении на новое место, разрушении, реконструкции и перепрофилировании его жилья, перемещения или утилизации его скарба и домашних животных, сносе или перенесении памятников, кладбищ и других сакрализованных объектов, изменении характера оперирования с топонимами и адресами, а в более отдаленной перспективе и с обращением с исторической памятью переселяемого населения и т.д. Так или иначе

³⁶ Каганский В.Л. Экологический кризис: феномен культуры? // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. НИИ Информкультура. М., 1994, № 6. С. 1–16; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

³⁷ Чебанов С.В. Типология семиотических зачёркиваний в реконструкции Летнего сада // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2014, №3. С. 47-57.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

в какой-то момент население должно покинуть обжитый им ландшафт, унося, уводя и вывозя то, что оно намерено использовать на новом месте (включая какую-то часть построек, несобранного урожая, культурных и дикорастущих деревьев и кустарников, скота, особо ценных диких животных), осуществляется вырубка или пал садов и лесов, демонтаж некоторых остающихся построек и т.д. В итоге перед затоплением, застройкой, началом испытаний и т.д. возникает то состояние ландшафта, которое вполне уместно назвать трупом ландшафта (нужно заметить, что на таких территориях существуют и трупы кладбищ). Нечто подобное возможно и при отступлении войск, когда неприятелю оставляются взорванные объекты инфраструктуры (мосты, плотины, электростанции, пути сообщения), сожженные города и сёла, увозится население и угоняется скот, вывозится чернозёмный слой почвы (например, с Украины в Германию во время Второй мировой войны) или обломки взорванных зданий (в качестве строительного материала из Восточной Пруссии в СССР в тоже время) и т.д.

Конечно для какой-то (иногда весьма значительной – как в случае сдачи территории неприятелю) части населения такое расставание с родным и/или привычным ландшафтом – событие весьма эмоционально насыщенное и обычно болезненное. Поэтому оно сопровождается какими-то импровизированными или устоявшимися актами бытовой обрядовости, что вполне объяснимо (т.к. позволяет перенести человеку выпадающие на его долю потрясения – даже если они и желаемы, например, появляется шанс получить благоустроенное жильё).

Однако это может приобретать и гипертрофированные, болезненно-ностальгические формы. Так, например, в Советском союзе сложился своеобразный обряд (менявшийся со временем в соответствие с версией господствовавшей идеологии) прощания с ландшафтом, своего рода похороны ландшафта перед его затоплением (образец чего описан В. Г. Распутиным в повести «Прощание с Матёрой»), существовала особая эстетизация и поэтизация затопленной колокольни Калязина, судь-

ба затопленных городов и сёл соотносится с градом Китежем и т.д. Совокупность всех перечисленных обстоятельств свидетельствует о том, что в отечественной культуре существует самостоятельная струя, которую можно квалифицировать как ландшафтную тафофилию – любовь к кладбищам ландшафтов, похоронам ландшафтов, ритуалам их поминовения (например, ежегодный спуск на воду траурных венков над затопленными городами как это делает землячество жителей Мологи и их потомков³⁸), связанным с этим аксессуарами (венки, траурные ленты, предметы обихода с памятной символикой и т.д.).

Само собой разумеется, что нечто подобное описанному происходило и происходит в случае стихийных бедствий – землетрясений, ураганов, цунами, техногенных катастроф и т.д. Однако, скорость протекания процессов в этом случае столь велики, что ни о каком осознаваемом взаимодействии с трупом ландшафта или его погребении речи быть не может. Соответственно, нет условий для проявления в какой бы то ни было форме и танатофилии. Тафофилия же в этих случаях может проявляться также как и при предварительно подготовленном убийстве ландшафта и его компонентов.

Конечно, описанные изменения ландшафта всегда имели место в истории ландшафтов Земли (да и других планет). Так, геологи тщательно отмечают при описании геологического строения той или иной местности наличие погребённых кор выветривания и погребённых почв. В палеоэкологии, как уже говорилось, рассматриваются стадии фоссилизации биоценозов – танатоценозы, тафоценозы и ориктоценозы³⁹. Однако подобного систематического рассмотрения смерти и трупа ландшафта во всей его целостности не существует. Некоторые

³⁸ Бывшие жители древней Мологи смогли увидеть свой родной город - URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/115966/ (дата обращения 21.03.16).

³⁹ Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. М.: АН СССР, 1950. 178 с.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

философско-методологические основания для этого представлены в работах А. В. Гогина⁴⁰.

Кладбища как тафогенные ландшафты.

Представляя собой особые урочища в сельских местностях, в больших городах и мегалополисах громадные по территории кладбища превращаются в самостоятельные особые ландшафты, со своими реками и их поймами, плакором, озерами, холмами, низинами, транспортными путями нескольких уровней, тенистыми и солнечными, засушливыми и переувлажнёнными фациями и местностями, характерными суточными и сезонными миграциями животных и суточными, недельными и годовыми миграциями людей и т.д. В любом случае они представляют в рассматриваемом аспекте особый интерес поскольку позволяют в концентрированном виде рассмотреть соотношение в ландшафте разных разрядов организмов с их функционированием (включая трупобразование) со свойственными каждому из них проявлениями жизни и смерти и их взаимоотношения⁴¹.

Главным, ландшафтообразующим компонентом кладбища являются трупы людей. При захоронении трупов, не подвергшихся кремации, даже если они подвергаются обычным приёмам консервации и бальзамирования, решающим является то, что захоранивается значительная масса органики, являющаяся замечательным субстратом для расцвета микробной жизни, лежащей в основе развития всего почвенного биоценоза. При захоронении кремированных останков в почву вносится ощутимый дополнительный резерв минеральных веществ. Наличие гробов или урн для праха несколько замедляет начальные фазы деятельности организмов-редуцентов (микроорганизмов, грибов, червей, личинок и имаго насекомых и т.д.). Однако, через некоторое время останки (как и органиче-

ские детали гробов и урн) становятся значимым фактором процессов кладбищенского почвообразования.

Вторым важным компонентом кладбищенского ландшафта (если речь не идёт, скажем, о традиционных иудейских кладбищах) являются надгробные растения – цветущие или формирующие газон. Набор этих растений довольно строго ограничен и определяется как лёгкостью необходимой для их выращивания агротехники, способностью конкурировать с сорняками, выживаемостью в условиях городской среды и т.д., так и модой и культурными традициями. Последние включают в себя и представление о том, что определённые растения могут активно участвовать в жизни умерших, помогая осуществлять связь тел и душ. Так или иначе такие растения формируют своеобразные тафогенные агроценозы, продукция которых систематически не изымается полностью из ландшафта (поэтому-то на кладбищах и бывает «самая сладкая земляника»).

Третьим важнейшим компонентом многих кладбищ являются деревья и крупные кустарники, разнообразие которых часто значительно превышает разнообразие древесной растительности лесов и даже парков той же местности. Именно поэтому кладбища оказываются своеобразным рефугиумом для гнездящихся в кроне и дуплах птиц⁴², летучих мышей, грызунов (беличьих) и т.д., причем дополнительным фактом привлекательности для них является отсутствие на кладбищах охоты или осуществляемого в других местностях истребления сорных птиц (отсюда характерные для кладбищ колонии ворон). Вполне понятно, что такое разнообразие микроорганизмов, растений и обитающих в кронах деревьев относительно крупных животных обеспечивает разнообразие и обилие других компонентов кладбищенских биоценозов.

⁴⁰ Гогин А. Мёртвая зона. Мировоззрение в некрогонической перспективе. - URL:

<http://www.ph.spbstu.ru/sites/default/files/publications/Мертвая%20зона.pdf> (дата обращения 21.03.16).

⁴¹ Черкасова Ю. В последний зелёный путь // Зелёный город, 23.6.2015. - URL: <http://green-city.su/poslednij-zelyonyj-put/> (дата обращения 22.03.16).

⁴² Птицы Богословского кладбища Санкт-Петербурга: список и распределение. - URL:

<http://referat.co/ref/584362> (дата обращения 22.03.16); Тищенко А.А., Алексеева О.С. Гнездовая орнитофауна кладбищ и парков Тирасполя // Беркут, 2003, т.12, вып.1-2. С. 21-31.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Однако, это разнообразие имеет свои ограничения. Так, на кладбищах не будет крупных хищников типа медведей или волков, в сельской местности на действующих кладбищах только спорадически выпасается домашний скот (в отличие от недействующих кладбищ и кладбищ других народов, существующих на той же территории, как например выпас коз на еврейских кладбищах Западной Украины) и т.д.

И, наконец, четвёртым компонентом кладбищ является человек во всём многообразии его активности. Живые люди хоронят и чтут своих предков, время от времени посещая их могилы и ухаживая за ними, работают служителями кладбищ и могильщиками, организуют кладбищенский бизнес и устраивают похоронные и поминальные церемонии, отпевают умерших и служат панихиды, изучают кладбища и пишут их историю, занимаясь некрополистикой⁴³ или историей погребений (включая изучение эпитафий – объект эпиграфики⁴⁴ – и надгробной скульптуры), пишут кладбищенские пейзажи и изучают биоценозы кладбищ, гуляют на кладбищах, слушая пение птиц и предаваясь размышлениям о смысле жизни, и т.д. и т.п. Среди этих людей есть и вполне психически уравновешенные "обыватели" (самых разных сословий, социальных статусов и профессиональных занятий), которые нечасто бывают на кладбищах, и постоянно связанные с ними профессионалы (служители кладбищенских служб, ученые, художники, краеведы и т.д.), и девиантные некротические личности, сочетающие тафофилическую преданность почившим с безразличием и даже недоброжелательством к живущим, в том числе, своим близ-

ким⁴⁵, и местные блаженные, и просто обездоленные попрошайки.

Кроме этого поверхность и толща почвы на кладбищах насыщена металлическими, каменными, бетонными, деревянными и прочими фрагментами разрушенных надгробий и ограждений, местами перекрытыми кучами мусора и полуразложившейся лесной подстилкой. При этом кладбища отличаются тишиной и спокойствием, некоторой отдалённостью от мирской суеты, находясь порою даже в центре многомиллионного города.

Тем самым кладбища оказываются сосредоточением самых разных организмов – живых и мертвых (трупов), находящихся на разных стадиях развития, разложения и фоссилизации – и самой разной жизни и смерти организмов разных разрядов, которые – жизнь и смерть – разливаются по этому своеобразному ландшафту (урочищу), обеспечивая активность (как жизнь, так и функционирование) то одних, то других его компонентов. При этом трупы человека являются субстратом для развития различных редуцентов, деятельность которых обеспечивает в конечном счете благоприятные условия для развития растений-продуцентов. Последние обеспечиваются (хотя и противоположно направленной по отношению к высаживаемым растениям и «сорнякам») и целенаправленной деятельностью людей, которые следят за тем, чтобы облик кладбища соответствовал принятым социокультурным нормам и стандартам. Последние предполагают и то, что на кладбищах постоянно звучат поминовения усопших, включая молитвы, что делает кладбища местом интенсивной духовной жизни. Изредка на кладбищах открываются мощи святых, которые в таком случае эксгумируются и переносятся в храмы. Становясь мощами, трупы оказываются источником интенсивной духовной жизни⁴⁶, а сохранение мощей оказывается еще одной сферой социокультурной активности. Говоря об этом (как и в целом о кладбищах) надо

⁴³ Грезин И.И., Шумков А.А. Краткое пособие для описывающих русские некрополи за рубежом: Методический материал СПб.: ВИРД, 2000. 12 с.; Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. 798 с.

⁴⁴ Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. 200 с.

⁴⁵ Чебанов С.В. Взаимодействие со смертью как творчество // Холизм и Здоровье, № 1(9), 2014. С. 11-17.

⁴⁶ Попов И.В. О почитании святых мощей // Журнал Московской Патриархии. 1997. №1. С. 74-79.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

иметь в виду и сведения (правда, противоречивые) о наличии кладбищ у африканских слонов⁴⁷, что делает рассмотрение кладбищ как тафогенного ландшафта ещё более принципиально важным.

Сравнение жизненаполненностей ландшафта

Рассмотрение тафогенных ландшафтов позволяет продемонстрировать остроту проблемы сравнения жизненаполненностей ландшафтов, от того или иного разрешения которой зависит суждение о том, витализация или некротизация ландшафта имеет место в том или ином случае. Принципиальный ответ на этот вопрос прост – необходимо обнаружить увеличивается ли или уменьшается число непредсказуемых нарушений регулярностей, свойственных функционированию ландшафта. Однако в виду того, что отличие некоторого длинного алгоритма от его отсутствия оказывается эмпирически неразрешимым, адекватными в такой ситуации будут только экспертные оценки, которые, однако, всегда могут быть поставлены под сомнение⁴⁸. Поэтому приходится прибегать к каким-то иным способам квалификации положения дел, причем к способам такой квалификации может быть несколько подходов.

Прежде, чем переходить к их рассмотрению, следует ещё раз обратиться к сути развиваемых представлений о жизни, организме, смерти и трупе на материале двух однотипных примеров. Оба они относятся к событиям, связанным с общественным транспортом в Ленинграде и Санкт-Петербурге.

Общественный транспорт, движущийся с некоторой регулярностью по известным маршрутам является неотъемлемой частью культурного ландшафта современного города. Для его нормаль-

ного функционирования важен не только факт такого движения, но и осведомленность участников движения как о стандартных маршрутах того или иного вида транспорта, так и конкретной машины, находящейся на маршруте в данный момент (сообщается водителем, кондуктором, надписями, информацией на экране или каким-то автоматическим устройством). С этой точки зрения и являются контрастными следующие примеры.

Первый из них относится к концу 1970-ых или началу 1980-ых гг. Проезжая в троллейбусе (скорее всего, маршрута № 15) автор услышал не только сообщение водителя об остановках, но и рассказ об истории и достопримечательностях прилегающих к остановкам мест и такие случаи повторялись два или три раза (об этом водителе потом был и рассказ по Ленинградскому радио; аналогичная история с водителем троллейбуса маршрута № 15 в Москве Андреевым в начале 1960-ых гг.⁴⁹). Примерно в то же время на другом маршруте водитель подробно рассказывал о возможных пересадках на каждой остановке.

Второй пример относится к сентябрю 2015 г., когда автору за один день при передвижении по хорошо известным районам города пришлось воспользоваться несколькими маршрутками. Все водители были приезжими и судя по всему плохо понимали русский язык, в частности, путаясь в семантике русских предлогов, передающих пространственные отношения. В результате доехать в нужные места не удалось ни разу, хотя выяснялось позже, что маршрутки мимо них шли.

В обеих сериях ситуаций имели место нарушения регулярностей, правда разных типов.

В первой серии нарушение регулярностей выражалось в том, что к регулярным событиям, которые шли своей чередой (троллейбус двигался по маршруту, остановки объявлялись и объявления соответствовали остановкам), т.е. при сохранении полноценного функционирования организма, при-

⁴⁷ O'Connell C. The elephant's secret sense: the hidden life of the wild herds of Africa. New York: Free Press; 2007. 256 p.

⁴⁸ Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки. М.: Наука, 1973. 162 с.; они же: Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1980. 264 с.; М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

⁴⁹ Бунтман С. Парковка. - URL: <http://echo.msk.ru/sounds/1646092.html>. 24.10.2015 (дата обращения 22.03.16).

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

бавлялось неожиданное сообщение сведений, которые могли быть интересными и/или полезными, что и выступало как проявление жизни.

Во второй серии нарушение регулярности заключалось в разрушении самой регулярности – водитель был не в состоянии вразумительно рассказать о маршруте следования. Одна из неотъемлемых функций общественного транспорта при этом не реализовывалась, что даёт основания говорить не только о некротизации, но даже об отуплении транспортного организма.

Следует заметить, что однозначно квалифицировать ситуации первой серии как витализацию строго говоря нет оснований – для этого нужны дополнительные сведения. Дело в том, что, возможно, это были ситуации, когда водитель читал (произносил наизусть) заранее заученный текст. Тогда это вариант функционирования, а не витализации. Однако, когда-то кому-то (водителю, работнику троллейбусного парка) пришла в голову эта идея и именно появление этой идеи, а также активность по её реализации и были проявлениями витализации, которые привели к совершенствованию функционирования (именно такими, правда относящимися только к возможным пересадкам и времени их совершения, являются сообщения в поездах и городском транспорте в Европе, например, в Германии). Но возможно, что каждый раз это была импровизация и тогда каждая реплика водителя была витализована. Степень же этой витализации различна в зависимости от того, в какой мере эти реплики были вариациями единого образца такого сообщения.

Последняя дилемма иллюстрирует и соотношение мест экспертных оценок и методов в суждениях о витальности (некротичности). Наблюдение ситуации приводит к экспертному заключению о проявлении в ней жизни. Поскольку как проявлении жизни трактуется нарушение регулярности функционирования, то методически подтвердить это невозможно. Однако, можно попытаться продемонстрировать что такое нарушение регулярности является закономерным. В таком случае то, что казалось проявлением жизни, будет выступать как

ещё одна особенность функционирования. Учитывая это, можно указать несколько приемов выявления того, что касается проявления жизни и степени жизненности.

Первый из них заключается в том, что выделяется несколько разрядов жизнепроявлений, «жизней» и выстраивается порядковая шкала жизненности внутри каждого разряда. Так, небольшая деревня, населённая стариками, заведомо меньше наполнена социокультурной жизнью, чем районный центр, в котором время от времени что-то происходит, средневековый город более наполнен экономической жизнью, чем древний монастырь и т.д. Идя по такому пути можно каждый ландшафт характеризовать многомерным вектором жизненности, каждая из компонент которого будет характеризовать жизненность ландшафта определённым разрядом жизни. Далее можно сопоставлять эти вектора, но вопрос о соотношении весов разных компонент остаётся открытым (скажем, как сравнивать хозяйственную жизненность монастыря с поэтической жизненностью завода). Открытым остаётся и вопрос о числе выделяемых разрядов жизней.

Второй подход основан на использовании обилия объектов того или иного класса живых существ в ландшафте (выражаемого в количестве экземпляров, их суммарной массе, объёме или других экстенсивных характеристик) как меры жизненности этих существ.

Третий подход заключается в использовании разнообразия компонентов ландшафта как критерия его жизненности. При этом можно отдельно учитывать и разнообразие компонентов, связанных с разными разрядами жизни – тектонической, геохимической, биологической, социокультурной, духовной и т.д. Для реализации этого подхода для оценки, к примеру, интенсивности биологической жизни, экологи используют различные индексы разнообразия⁵⁰. Содержательно близкие индексы разнообразия можно вводить и

⁵⁰ См., напр., Левич А.П. Структура экологических сообществ. М.: МГУ, 1980. 182 с.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

для других областей, например, основываясь на информационной энтропии Шеннона⁵¹. При этом следующим уровнем детализации оценки будет учет не только разнообразия компонентов определённого разряда, но и их количественного соотношения. Тогда, например, биоценозы (и ценозы произвольной природы⁵²) будут описываться гиперболическими *H*-распределениями, отвечающими экстремальным принципам, а ассоциации произвольно соседствующих организмов (например, на свежих, еще незадернованных, насыпях железных дорог или на свалках) – нет. Кроме того, при использовании таких критериев появляется возможность сравнения наполненностью жизнью разных разрядов. При этом, правда, надо отдавать себе отчет в том, что строго говоря такие оценки (как и в предыдущем подходе) будут оценками активности организмов, а не их жизненности, но при допущении квазистационарности существования соответствующих организмов такая оценка может рассматриваться и как мера жизненности.

Четвёртый подход, также относимый уже к функционированию организмов, может заключаться в оценке биологической продуктивности разных ландшафтов. Тогда можно проранжировать, например, по этой характеристике, ландшафтные зоны и говорить о том, что продуктивность (=биологическая жизненность) смешанных лесов (6000 ккал/м²год) больше тундры (около 700 ккал/м²год), а степей (около 2600 ккал/м²год) больше пустынь (около 50 ккал/м²год⁵³). Экономическую жизненность ландшафта аналогич-

но можно оценивать по количеству сосредоточенных на его территории капиталов, а хозяйственную⁵⁴ – долей населения, вовлечённого в эталонные для этого ландшафта виды деятельности.

Наконец, пятый подход заключается в том, что принимается иерархия жизненности жизненных проявлений, соответствующая ослаблению пронизанности Фаворским светом в согласии с «Физическими главами» св. Григория Паламы⁵⁵ или марксистскими формами движения материи⁵⁶, рассматриваемыми в обратном порядке: духовное – душевное – биологическое – физическое. Тогда организм, в котором жизнь проявляется в виде духовной жизни более жизнен, чем тот, в котором жизнь проявляется в виде жизни душевно-психической, душевно-психической организм более наполнен жизнью, чем тот, в котором жизнь проявляется в биологической форме, а последний более наполнен жизнью, чем организм, в котором жизнь проявляется только в форме физических процессов⁵⁷.

Можно вводить и другие меры жизненности (витализации) ландшафта. Уменьшение жизненности (витализации) будет свидетельствовать о некротизации ландшафта, хотя и можно искать самостоятельные меры некротизации.

Представленный в этом разделе материал не столько указывает на то, как можно оценивать жизне- или смертенность ландшафта, сколько на то, как искать способы такой оценки. Однако, без того или иного способа такой оценки невозможно ответить, скажем, на такой вопрос: «Чем преимущественно наполнено кладбище – жизнью или смертью?».

⁵¹ Петров Т.Г. Информационный язык для описания составов многокомпонентных объектов // Научно-техническая информация. Сер 2. 2001, № 3. С. 8–18.

⁵² Кудрин Б. И. Математика ценозов: видовое, ранговидовое, ранговое по параметру гиперболические *H*-распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Мандельброта // Ценологические исследования. Вып. 19. Философские основания технетики. Новомосковск: Центр системных исследований. 2002. С. 357–413.

⁵³ Продуктивность экосистем – URL: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/produktivnost-ekosistem.html>, б.г. (дата обращения 22.03.15).

⁵⁴ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

⁵⁵ Киприан [Керн] архм. Антропология Григория Паламы. Париж: Ymka-Press, 1950. 444 с.

⁵⁶ Попов П.В., Виноградов В.Г. Основные формы движения материи и их соотношение. М.: Высшая школа, 1967. 88 с.

⁵⁷ Чебанов С.В. Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С. 339–406

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

**Конкуренция жизнепроявлений и интегральная
жизненаполненность ландшафта**

Теперь, обладая некоторыми когнитивными инструментами для анализа подобного материала можно рассмотреть несколько особо сложных и остро дискуссионных случаев витализации/некротизации ландшафта и отдельных его компонентов.

Первым примером будет большой парк с дворцом (дворцами), подобный императорским паркам Петергофа и Павловска в пригородах Санкт-Петербурга или подмосковного Архангельского⁵⁸. На первый взгляд может показаться, что такой парк наполнен жизнью в её непосредственной спонтанности. Холмы, водопады, ручьи, фонтаны, шутихи, парковая скульптура и архитектура малых форм (беседки, перголы, павильоны, кенотафы – вот радикальная антитеза затопленным кладбищам!), музыка, фейерверки казались бы только увеличивают эту спонтанность. Однако на деле оказывается, что холмы, водопады и ручьи – рукотворные и, будучи результатом труда паркового архитектора, предполагают постоянное поддержание в надлежащем состоянии; фонтаны, шутихи и фейерверки являются плодом изощренной инженерной мысли и требуют постоянного привлечения человека для обслуживания их надлежащего функционирования; за деревьями и цветами постоянно ухаживают садовники (которые, в числе прочего, постоянно осуществляют стрижку деревьев, придают их кронам живописный вид, осуществляют прополку, замену однолетников согласно сезону и т.п.) и т.д.. Таким образом, всё существование такого парка в предлагаемом хозяину и его гостям виде насквозь пронизано некротизмом изощрённого заранее предумышленного функционирования.

Назначение такого парка – организация сложной семиотической игры, являющейся неотъемлемой частью дворцовой жизни: в парке в соот-

ветствии с законами жанра становится возможным то, что нельзя осуществить в самом дворце – можно позволить себе некоторое послабление в соблюдении норм этикета или нарушить строгость туалета, высказать то, что будет отличаться некоторой дерзостью или особой доверительностью, надеяться не быть услышанным посторонними ушами и проявить особое красноречие обращаясь к единственному слушателю (а попутно еще и продемонстрировать свою учёность и остроумие в распознавании сюжетов парковой скульптуры) – одним словом продемонстрировать то, что называется знанием света и умением вести себя в нем, причем света в его самом сложном – дворцовом – варианте, сущность которого практически непостижима для подавляющего числа современных даже весьма состоятельных людей. При этом чем более изысканным и индивидуализированным оказывается такое поведение, тем выше оказывается неформальный статус его носителя, и именно для осуществления этих подлинно творческих жизненных актов и нужен дворцовый парк, размеры которого могут быть весьма велики, а значимые элементы которого могут организовывать ландшафт измеряемый многими километрами (как видима из многих частей города статуя Геркулеса на вершине холма, с которого спускается горный пейзажный парк Вильгельмскхё, переходящий в многокилометровую одноимённую аллею в Касселе).

Непонимание этой семиотической игры может родить у наивного наблюдателя ощущение пасторальной непосредственности видимого ландшафта. В таком случае он может оказаться в неловком положении, подобно наивному зрителю кино, пытающемуся участвовать в действии на экране, и тем самым резко понизить свой статус в социальном организме незнанием «тайн мадридского двора» или даже поплатиться жизнью за попытку охоты на фазанов в таком парке. Таким образом, пронизанный некротизмом дворцовый парк даёт шанс для проявлений жизни ещё одного нового типа, если пребывающее в нём лицо владеет техникой адекватной семиотической игры, и становится источником смерти в противном случае.

⁵⁸ Ср. Лихачёв Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 472 с.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

В особом положении в подобном парке оказывается ребенок. С одной стороны, он постоянно готов пребывать в игровой ситуации, с другой – по отношению к нему понижены требования социального контроля и ему позволено играть в «другую» игру. В результате парк становится привлекательным своей высокой витальностью местом детской рекреации (что рассмотрено на примере Летнего сада в Санкт-Петербурге⁵⁹).

Весьма примечательно и то, что наивная позиция по отношению к подобным романтическим паркам Европы, виденным им во время скитаний по дворцам влиятельных покровителей, дала основание Ж.-Ж. Руссо⁶⁰ объявить такие ландшафты (дикой) природой в противоположность культуре городов, что породило бессодержательную с момента своего появления новоевропейскую оппозицию естественного и искусственного (ср., однако, традиционное их понимание как состояний до и после грехопадения⁶¹).

В целом же надо отметить, что соотношение витальности диких и антропогенных компонентов ландшафта весьма нетривиально даже тогда, когда речь не идет о специфических агроландшафтах. Так, на южном берегу Финского залива почти от Санкт-Петербурга до западных берегов Эстонии тянется полоса (местами доходящая до ширины в несколько десятков километров) разнотравных лугов, перемежающихся зарослями лещины, ольшаниками и ивняками с вкраплениями климатерических ельников-зеленомошников. Эти луга отличаются самым высоким в умеренном поясе индексом видового разнообразия, включая ред-

кие растения, например, несколько видов орхидных. К ним приурочены и древние районы скотоводства, что зафиксировано в топонимике, связанной с языческим Волосом (Велесом). Однако, это биоразнообразие поддерживается только при одном условии – систематическом сенокосе. В противном случае либо идёт процесс заболачивания, с формированием кочковатого микрорельефа, образованного дерновинами осоковых, либо зарастание ивняком и ольшаником. В обоих случаях биоразнообразие за несколько лет резко уменьшается, на дневной поверхности почвы появляются лишённые растительности участки. Таким образом максимальная витальность ландшафта обеспечивается в данном случае традиционной умеренной антропогенной нагрузкой⁶². При этом, однако, надо принять во внимание, что при каждом укосе происходит частичное отрупление несметного числа растений, некоторые из которых в результате гибнут полностью, погибает большое число обитающих в траве насекомых и некоторое количество наземных беспозвоночных, земноводных, птиц, мышеобразных и мелких грызунов и т.д. Однако в итоге получается, что такая смерть некоторого количества организмов оказывается идущей во благо сообществу травостоя как целого.

В качестве второго примера такой многоаспектной противоречивой ситуации можно рассмотреть значимые для ландшафта компоненты – например, артефакты (здания, сооружения, пирамиды, стелы и т.д.) или морены, крупные валуны, отдельно стоящие приметные деревья. Каков вклад этих компонентов в витальность или некротизм ландшафта? Каковы витальность и некротизм их самих?

Так, любое заброшенное, запущенное, разрушенное, неполностью демонтированное здание или сооружение (как и их группа) конечно же несёт на себе след некротизма, поскольку факт частичного отрупления в данном случае налицо. Но в каком-нибудь монотонном ландшафте тундры,

⁵⁹ Чебанов С.В. Типология семиотических зачёркиваний в реконструкции Летнего сада // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2014, №3. С. 47-57.

⁶⁰ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение. Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов? // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1961, т. I, С. 43–267.

⁶¹ Карпов В.П. Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98 (III). С. 341-392. Кн. 99 (IV). С. 523-573.

⁶² Kukk T. & Kull K. Puiisniidud // Estonia Maritima, 1997. 2. P. 1–249.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

степи или пустыни эта же руина может оказаться самым витальным компонентом ландшафта. Витальность такой руины может быть придана и её особой живописностью, что особенно детально разрабатывалось в эстетике романтизма (ср. сюжет о засохшем дубе во втором томе «Войны и мира» Л.Н.Толстого). Таким образом в зависимости от того, какие критерии жизненности будут привлекаться, а главное какие способы соотнесения разных жизненностей будут использованы, суждения о витальности/некротизме такого сооружения будут различаться.

Очень часто подобные коллизии возникают тогда, когда решается вопрос о сохранении, сносе или воссоздании заново какого-либо безусловно ценного памятника. При этом, скажем, «научная реставрация» (а на деле в большой мере воссоздание заново) Петергофа или Царского села и полное воссоздание строений и интерьеров пушкинских Михайловского, Тригорского и Петровского оказались принятыми (в них удалось вдохнуть жизнь, правда какую?), а реставрация московского Царицына вызывает острые дискуссии и отторжение и оно кажется некротичным.

Весьма примечателен пример Главного здания Московского государственного университета (далее МГУ) и входящих в его ансамбль зданий физического, химического и биологического факультетов. Безусловно, оно является опорной точкой огромного культурного ландшафта на юго-западе Москвы и в этом отношении не уступает касселевскому Геркулесу. Однако он занял местность (ландшафт) Воробьёвых гор, весьма значимую для культурной (литературной в частности) истории не только Москвы, но и всей России (взять хотя бы страницы посвященные им в «Былом и думах» А.И.Герцена). Кроме того, строительство МГУ было осуществлено на территории, объявленной ныне природным заповедником, не говоря уже о разрушенных поселениях этой местности и геологических подвижках высокого берега Москвы-реки. Но самым большим вклад в некротизм МГУ вносит его строительство зеками ГУЛАГа, что оказалось закреплённым в наименовании час-

тей зданий зонами, равно как и в существующем охранном режиме в сочетании низкими потолками значительной части помещений и узкими, почти щелевидными окнами (например, в общежитиях), напоминающими крепостные бойницы. Отдельно можно обсуждать место МГУ в ряду других сталинских высоток, ставших составной частью плана некротизации Москвы при превращении ее в столицу тоталитарной империи. Все это завершалось переименованием местности в Ленинские горы (по кличке создателя государства, официально организовавшего «красный террор»⁶³), так что МГУ в итоге выступает не только как памятник усатому тирану, но и как надгробие всему СССР – государству, готовому приносить в жертву одержимым похотью власти десятки миллионов жизней и надорвавшейся в итоге в своей непомерной спеси. При этом по объему камня и строительных работ МГУ может сравниться с самыми большими надгробиями – египетскими пирамидами, так что антропогенные скопления камня на Воробьёвых горах просуществуют ещё не одно тысячелетие.

Особые коллизии витальности/некротичности ландшафта возникают при смене предназначения его маркированных компонентов. Так, в БССР постоянно происходило закрытие храмов и монастырей, а их здания использовались для других целей. Скажем, нередкими были ситуации превращения сакральных ландшафтов (таких как Соловецкие острова, Валаам, Сергиев Посад и его окрестности, Саров) в лагеря, тюрьмы, колонии малолетних преступников, места разработки и испытания оружия массового поражения (Сергиев Посад – бактериологического и химического, Саров – ядерного) и т.д., с разрушением колоколен, мажорных храмов, окутыванием колючей проволокой, военизированной охраной, пропускным режимом и т.д.⁶⁴.

⁶³ Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 года «О «красном терроре» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960 М.: Международный Фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 2000. С. 15.

⁶⁴ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обо-

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Очередная волна государственного атеизма во времена хрущевской оттепели ознаменовалась массовым закрытием храмов, но сохранением их зданий, осознаваемых как памятники архитектуры. В результате (вместе с теми, которые остались от предыдущих десятилетий атеизма) на территории СССР оказалось огромное количество архитектурных сооружений, лишённых какого-либо назначения. Это были подлинные трупы храмов и монастырей, причем часто имеющих ключевое положение как в городском, так и в сельском ландшафте. Поэтому остро встал вопрос о судьбе этих трупов – то ли они подлежат уничтожению, а территория под ними – реновации, то ли изменению их использования, причём выбор того или иного варианта был предметом жёстких дискуссий, в то время как сторонники обеих точек зрения не допускали, что когда-нибудь эти сооружения будут использованы по назначению. Если удавалось отстоять вторую точку зрения, то сооружение могло начать использоваться практически любым способом – как склад, зернохранилище, машинно-тракторная станция (МТС), кинотеатр, ресторан, отхожее место и т.д. Урочище или местность, композиционным центром которого – причём центром, тщательно выбранном строителем храма – оказывается отхожее место или тюрьма, устроенные в этом храме, становятся содержательно и эстетически уничтоженными, превращёнными в радикально некротизированный труп. Другой вариант подобного преобразования – превращение в советское время храма (скажем, храма дореволюционной больницы) в очевидно некротичные морг или прозекторскую, которые могут в этом случае оказаться центром архитектурного ансамбля и организуемого им ландшафта. Однако важно, что сохранённые хотя бы в таком виде трупы храмов в настоящее время вовлечены в процесс ревитализации, пусть даже не всегда уместной и удачной.

зрение, 2001. 576 с.; Кордонский С. Административно-территориальная структура России: «в реальности» и «на самом деле». М.: Издательство «Европа», 2010. 308 с.

Противоположная ситуация – ландшафт, значимым компонентом которого является, скажем, отхожее место, превращённое в ресторан (случаи реализации чего также известны) – для старожиллов будет предметом насмешек и презрения, что делает такой ландшафт лишённым полноценной витальности по крайнему мере до того времени, пока сменится поколение, помнящее, что там было отхожее место. Нечто подобное происходит, когда в центре ландшафта оказывается лобное место, крематорий или тюрьма. Так, наличие двух тюрем – Петропавловской крепости (прошлой) и «Крестов» (действующей, хотя и превращаемой ныне в музей) – в качестве организаторов архитектурных ансамблей двух центральных районов Санкт-Петербурга вносит значительный вклад в общую некротическую атмосферу Северной столицы.

Последний вопрос заслуживает несколько большего внимания. Может показаться, что тюрьма, сумасшедший дом, интернат для хроников, хоспис и т.д. вообще не являются компонентами ландшафта и могут быть расположены где угодно. Однако, очевидно, что это не так, причём очевидно со всё большей ясностью с самых разных точек зрения – общегуманистической, политико-идеологической (подалеке убрать с глаз), экономической (из-за стоимости содержания таких объектов в центре городов), санитарно-гигиенической (источник инфекций), полицейско-военной (источник опасности, в частности из-за пусть и очень редких побегов) и т.д. Но рассмотрение этих аспектов обнаруживает очевидное влияние подобных объектов на ландшафт, в т.ч. и на его некротизацию. Поэтому, скажем лагеря содержания смертников, такие как «Белый лебедь» и «Чёрный дельфин» являются очевидными факторами некротизации ландшафта.

Однако, ситуация оказывается ещё более сложной. Заключённые, пациенты хосписов, сотрудники моргов могут быть вовлечены (по собственной инициативе, иногда преследуемой, или поощряемые администрацией) в активную творческую деятельность во имя жизни. В подобным мес-

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

тах могут писаться книги, совершаться открытия, создаваться религиозные, философские и политические доктрины, делаться изобретения, создаваться театральные постановки, складываться специфический фольклор и т.д. и и.п. При определённом стечении обстоятельств интенсивность всего этого может оказаться даже выше, чем в, казалось бы, более подходящих условиях, а иногда может быть организован процесс коллективного творчества (как это было в знаменитом Соловецком лагере особого назначения – СЛОН – НКВД или в институтах-шарашках сталинского времени), что вносит соответствующий вклад в витализацию ландшафта, особо ярко выражающую в создании музеев тюрем (например, музей ГУЛАГа «Пермь-36» со всеми проблемами его существования) возведении храмов (например, Храм святых Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне), организации постоянного поминовения заключённых и погибших, поддержание памяти о них (так, Девятнадцатого *кислева* – дату освобождения Раби Шнеур-Залмана бар-Баруха из Петропавловской крепости – последователи ХАБАДа до сих пор ежегодно празднуют, называя этот день «хасидским новым годом»).

Подобные преобразования могут происходить и без всякого вмешательства властей. Так, пещера Психиридеса, расположенная на острове Сирос в Эгейском море, в которой у него учился Пифагор, превращена местными жителями в отхожее место, к которому советуют не приближаться из-за свойственного ему зловония и скопления нечистот. Очевидно, что это смердящий труп, причём в известном смысле труп всей европейской культуры. Ландшафт, в котором, находится эта пещера также оказывается некротизированным, т.к. сама возможность такой ситуации демонстрирует, что строй мысли Пифагора не воспринимается местным населением как имеющий к ним какое-то отношение.

Подобная активность (инертность) проявляется и в современной России. Легализация самой идеи приватизации всего, что возможно, в сочетании с пассивностью правоохранительных органов

породило такую неязыческую практику, как почитание мест гибели (что не свойственно, скажем христианским или светским традициям) автомобилистов, что внесло в ландшафт дополнительную некротическую разметку автодорог. Примечательно, что такая неязыческая практика не вызывает противодействия со стороны старожилов соответствующих ландшафтов, хотя *де факто* эти ландшафты перестают восприниматься этими старожилами как «свои».

Кроме всего прочего такое положение дел является индикатором трансформации одного культурного ландшафта – который можно обозначить как советское обитаемое пространство⁶⁵ – в другой – неязыческий (хотя и называемый христианским), причём трансформации без тотального отрупления.

Подобного рода трансформации – один из двух основных типов беструпных преобразований ландшафта (как и других организмов), при котором происходит замена одних компонентов ландшафта компонентами других типов (в отличие от возобновления, при котором происходит замещение старых компонентов новыми того же типа). Очевидно, что при возобновлении ландшафта соотношение его витальности/некротизма практически не меняется. При трансформации ситуация оказывается не столь определённой.

Соотношение витализации и некротизации ландшафта при его трансформации

Начинается трансформация с того, что в ландшафте появляются единичные представители компонентов тех типов, которых не было ранее в этом ландшафте (например, борщевика Сосновского – мести Сталина – в центральных и северо-западных областях России⁶⁶ или мечетей и сель-

⁶⁵ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

⁶⁶ Баравая Г. «Месть Сталина» вползла не только в Прибалтику с Польшей. Днями ощутили ее ожоги и у нас... // Белорусские региональные новости. 5 мая 2009. URL: <http://regionby.org/2009/05/05/mest-stalina-vpolzla-ne-tolko-v>

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

ских домов татарского типа на Северо-Западе и Севере России). Вначале это может быть незаметно, однако, рано или поздно это обращает на себя внимание. При этом даже единичные подобные строения или экземпляры борщевика могут нарушить целостность ландшафта если они окажутся в какой-либо его фокальной точке – в самой высокой точке данной местности, рядом с дворцом, являющимся композиционным центром пейзажного парка, поблизости удачно поставленной сельской церкви, вблизи заповедной для местного населения рощи и т.д. Очевидно, что в этих случаях будет иметь место как деградация тела ландшафта (он потеряет гармоничность), так и его некротизация. При этом если такой ландшафт был до этого эталонным ландшафтом некоторого типа, то в новом состоянии он перестанет быть таковым, что ещё более уменьшит социокультурную компоненту его витальности. Ветшание и руинизация присутствующих на территории данного ландшафта зданий и сооружений, обезвоживание рек, озёр и каналов или гибель деревьев заповедной рощи будет вносить свой вклад в эти процессы некротизации ландшафта и деградации его тела. Однако, совершенно очевидно, что через какое-то время на этой территории может сложиться новый эталонный тип ландшафта, лишённый лесных массивов, с дорогами и тропинками, обсаженными борщевиком, который будет декоративно подстригаться в течение лета, мечетями, находящимися в фокальных точках такого остепнённого ландшафта, тюркским населением и т.д. В таком случае произойдет восстановление целостности ландшафта – но уже совершенно другого! – и его ревитализация. Нечто подобное происходило на Северо-Западе нынешней России на рубеже I и II тысячелетий от Р.Х., когда шла христианизация этих территорий и перераспреде-

ление на них германо-скандинавского, финно-угорского и славянского населения⁶⁷.

Такая волнообразность и даже цикличность оформления/отрупления тела ландшафта и его витализации/некротизации в общем совершенно понятна, если учесть аналогичные процессы, происходящие с его компонентами. Так, любой присутствующий на той или иной территории биоценоз не существует вечно, а вовлечен в закономерные (квази)циклические преобразования (проблема поликлимакса и смежные дискуссионные вопросы сейчас во внимание не принимаются⁶⁸). Скажем, на Северо-Западе России это будет такой цикл: ельник-зеленомошник, который по мере возрастной гибели древостоя (вот ситуация видимого отрупления!) превращается в сфагновое болото (минимальная биологическая продуктивность), на котором начинается со временем рост березы и осины, под пологом которых, в свою очередь, идет рост елей, обгоняющих в росте березы и осины, гибнущие (опять выраженное трупобразование) под тенью елей. При этом происходит закономерная смена продуктивности, выступающей в качестве индикатора жизненности. Нечто подобное происходит и с населением, однако эти процессы описаны пока менее убедительно. Так, в рамках концепции этногенеза Л.Н.Гумилёва в начале цикла имеет место пассионарный толчок, сообщающий энергию (ср. аналогии с развиваемой тракторной жизнью!) процессу этногенеза, по мере затихания которого происходит переход этноса в стационарную или угасающую фазу, после чего этнос уходит с исторической арены, предоставляя место другому народу⁶⁹. Имеют место и циклы погодноклиматических изменений, циклы тектонической активности и т.д. (БАГСТ-циклы – биосферно-

pribaltiku-s-polshej-oshhutili-ee-ozhogi-i-v-grodnenshine-brestchine%E2%80%A6/ - 5 мая 2009 (дата обращения 22.03.16); По России распространяется сорняк «Мечь Сталина» URL: <http://www.kp.by/online/news/525244> 10 августа, 2009 (дата обращения 22.03.16).

⁶⁷ Джаксон Т.Н. Austr i gördum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с.

⁶⁸ Одум Ю. Экология: В 2-х т. М.: Мир, 1986. Т. 1. 328 с. Т. 2. 376 с.; Разумовский С.М. Избранные труды: Сборник научных статей. М.: КМК Scientific Press, 1999. 560 с.

⁶⁹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Л.: ЛГУ, 1989. 496 с.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

атмосферно-гидросферно-статиферно-тектонические), каждый из которых обладает своими характерными временами (для БАГСТ-цикла около 100 млн. лет). Поэтому можно говорить как о витальности/некротичности ландшафта в какой-то период его существования или об интегральной витальности/некротичности ландшафта на всех стадиях его существования.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении к процессам, происходящим на границах ландшафтных зон, – временно-волнообразным или однонаправленным наступлениям друг на друга тундры и леса, леса и степи (с большей продуктивностью <=>жизненаполненностью> леса в обоих случаях), степи и пустыни (с большей продуктивностью степи) и т.д.

Однако, в подобных ситуациях возможны и случаи, когда менее жизненаполненный с биоценологической точки зрения ландшафт оказывается высокоценным с точки зрения социокультурной. Тогда суммарная жизненаполненность такого ландшафта может оказаться выше, чем у более высокопродуктивного с биоценологической точки зрения. Так, например, когда после по сути дела синтеза искусственного ландшафта Куршской косы в начале XX века встал в конце того же века вопрос о сохранении на ней менее биопродуктивного, но культурно ценного (памятника природы) пустынного дюнно-барханного ландшафта, это потребовало вложения значительных сил и энергии, но увеличило суммарную витализацию синтезированного ландшафта Куршской косы⁷⁰.

Практически неизбежно та или иная трансформация ландшафта происходит при смене населения, изменении его расового, этнического, куль-

⁷⁰ Материалы комплексного экологического обследования участков акватории Балтийского моря, обосновывающие придание этой акватории статуса охранной зоны национального парка «Куршская коса» Проект BASE «Выполнение Россией Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю» Калининград. 2014. 144 с. – <http://helcom.fi/Lists/Publications/Extension%20of%20the%20marine%20protected%20zone%20of%20the%20Curonian%20Spit%20Final%20Report%20in%20Russian.pdf> (дата обращения 22.03.16).

турного, религиозного, социального состава. В настоящее время имеют место подобные изменения и на территории России, которые остро переживаются определенной частью местного населения, претендующего на то, чтобы быть единоличными держателями местного ландшафта. При этом такое изменение населения воспринимается как результат перераспределения человеческих масс после распада СССР.

Однако, речь идет о значительно более объемном процессе движения населения от Тихого океана через северную Евразию (Сибирь, Урал, Европу) к Атлантике и переправке части этого человеческого потока через Атлантику в Америку, т.е. о процессе вполне сопоставимым с Великим переселением народов в I тысячелетии от Р.Х.⁷¹. Очевидно, это приводит и к закономерным трансформациям ландшафта как с изменением соотношения витальности / некротичности ландшафта, так и без таковой. Существующая при этом инерция восприятия таких изменений может приводить к тому, что происходящие изменения, как имеющие циклическую природу, так и однонаправленные, могут восприниматься как смерть, деградация ландшафта, экологический кризис⁷² и т.д., в то время как фактически имеет место только возникновение непривычных для населения состояний ландшафта.

Эвристическая танатология ландшафта

Проведенное рассмотрение, как представляется, выявляет эвристический потенциал предлагаемого танатологического изучения ландшафта. При этом такое изучение оказывается в высокой степени динамичным, отображающим ландшафт в многообразии его изменчивости и изменений во времени.

⁷¹ Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

⁷² Каганский В.Л. Экологический кризис: феномен культуры? // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. НИИ Информкультура. М., 1994, № 6. С. 1–16

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

Кроме того, данный подход позволяет перейти к его танатологической **критике**, дающей адекватное представление о танатологическом статусе ландшафта. При этом самыми актуальными задачами оказываются задачи **поиска индикаторов некротичности ландшафта**, в том числе, индикаторов овнешнённых, которые если бы не снимали бы дискуссионность существующих в этой области экспертных оценок, то хотя бы делали это обсуждение более конструктивным. С конструктивной точки зрения особо актуальным оказывается поиск не просто внешних, но **количественных**, измеримых индикаторов некротичности ландшафта. Само по себе обнаружение регулярности редких событий является фактом выявления некротичности, т.к. связано с функционированием организма. Вместе с тем, при осуществлении попыток конструктивизации ответа на вопросы о некротичности ландшафта важно не потерять качественной содержательности оценок.

При это надо учитывать, что всякий ландшафт может рассматриваться как палимпсест⁷³. Говоря об этом надо иметь ввиду два обстоятельства.

Во-первых, сделанное утверждение ни в коей мере не является метафорой, а представляет собою строгое утверждение. Однако, некоторое отличие от обычного палимпсеста состоит в том, что речь идет не только и не столько о письме как об одном из семиотических средств («знаковых систем»), сколько о любых семиотических средствах⁷⁴. Тогда то обстоятельство, что практически в любом ландшафте когда-либо жили люди двух и

более разных культур, которые организовывали ландшафт под свои культурные нормы, причём от каждой культуры оставались свои не всегда заметные следы, и составляет суть формулируемого утверждения.

Во-вторых, сделанное утверждение подразумевает (в числе прочего) и то, что часть текстов ландшафта создана семиотическими средствами биологических организмов – микроорганизмов, растений и животных (включая Homo sapiens), в основе функционирования которых лежит генетический код, а также разнообразные процессы коммуникации и автокоммуникации (экзо- и эндосемиозис⁷⁵) с помощью химических, электрических, световых, акустических, иммунных, гормональных, феромонных и прочих средств, изучение которых составляет предмет биосемиотики⁷⁶. Принципиальным является то, что все живые существа (начиная с бактерий) лежат выше так называемого семиотического порога, отличающего несемиотические процессы от семиотических⁷⁷, который, как оказывается лежит на границе физико-химических и биологических явлений⁷⁸. В связи с обсуждением семиотического статуса ландшафта особенно важно то, что биоценозы представляют собой особый класс биосемиотических объектов, изучаемый эко-семиотикой⁷⁹. При этом начиная с возникновения

⁷⁵ Sebeok T.A. Perspectives in Zoosemiotics. The Hague: Mouton, 1972. 188 p.

⁷⁶ Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.; Hoffmeyer J. Signs of Meaning. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 166 p.; Krampen M. Phytosemiotics revisited // Biosemiotics. Berlin: Mouton de Gruyter. 1992. P. 213-220; Kull K. Semiotic ecology: Different natures in the semiosphere // Sign Systems Studies, 1998, 26. P. 344–371; Rothschild F.S. Laws of symbolic mediation in the dynamics of self and personality // Annals of New York Academy of Sciences. 1962, 96. P. 774–784; Sebeok T.A. op.cit.; Sebeok T.A. Biosemiotics: Its roots, proliferation, and prospects // Semiotica. 2001, 134(1/4). P. 61-67.

⁷⁷ Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976. IX+354 p.

⁷⁸ Nöth W. Umberto Eco's semiotic threshold // Sign Systems Studies, 2000, 28. P. 49–61.

⁷⁹ Kull, op.cit.; Nöth W. Ökosemiotik // Zeitschrift für Semiotik. 1996, 18(1). Z. 7-18; Nöth W. Ecosemiotics // Sign Systems Studies. 1998, 26. P. 332–343.

⁷³ Сид И.О. Первопроходчество или обход владений? Территория и ландшафт как палимпсест: о роли геополита – <http://www.newsko.ru/media/2452037/program.pdf> (дата обращения 22.03.16); Чебанов С.В. Типология семиотических зачёркиваний в реконструкции Летнего сада // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2014, №3. С. 47-57.

⁷⁴ Чебанов С.В. Морфологические основания типологии семиотических средств // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Т.1. Тверь: ТГУ, 1995. С. 24-33.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

| Танатология ландшафта / Landscape of Thanatos |

первых организмов с генетическим кодом, т.е. 3,5-4,2 млрд. лет назад, шло постоянное переписывания генетических текстов, которые представляют собой тем самым древнейшие палимпсесты⁸⁰ (число переписывания которых несоизмеримо превосходит число переписываний полипалимпсестов⁸¹). С учетом сказанного, совершенно очевидно, что биогенная составляющая ландшафта представляет собой палимпсест, причем в силу своей универсальности это утверждение является тривиальным. Кроме этого ландшафт как-то преобразовывается человеком, принадлежащим той или иной культуре, а эти культуры могут в одном и том же ландшафте сменять друг друга. При этом если идет о культуре малых народов, то они выступают как эдификаторы фаций и урочищ, но практически никогда не эдификаторами местностей и ландшафтов, т.е. их деятельность соответствует идеалам самых радикальных направлений современных природоохранных и экологистских движений (ср. положение Всемирного фонда дикой природы о том, что малые «коренные народы являются ... важными служителями Земли»⁸²). Большие народы и государства при освоении ландшафтов занимаются постановкой горнорудного дела и прокладкой железных дорог, создают военно-промышленный, а ныне и оборонно-космический комплексы, гидроэнергетику и т.д.

⁸⁰ Циммер К. Микрокосм: E.coli и новая наука о жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 394 с.; Benner S.A., Ellington A.D., and Tauer A. Modern metabolism as a palimpsest of the RNA world // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 1989; 86. P. 7054–7058; Coletta W. J. Evolutionary bodies of knowledge; or, the evolutionary phenomenology of J. J. Audubon, Georges Bataille, Theodore Roethke, and Octavia Butler // International conference “Zoosemiotics and Animal Representations” 4–8 April 2011 Tartu, Estonia. Tartu: University of Tartu. 2011. P. 33-35.

⁸¹ Зализняк А.А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. М.: Индрик, 2003. С. 190-212.

⁸² Коренные народы и охрана природы: декларация принципов WWF. М., Всемирный фонд дикой природы, 1997. С. 3.

В такой ситуации человек выступает не только как вид-эдификатор ландшафта, но и как фактор его некротизации, социоида ранее существовавших в этом ландшафте культур, что придаёт облику такого ландшафта явную некротичность и проявляется в психологии и поведении людей. Значительная часть из них ощущает себя как вынужденных обстоятельствами «жить здесь и теперь», другая – более активная – осознает свое пребывание в этом крае как средство относительно быстро и успешно решить свои карьерные и финансовые задачи и осуществив это податься в какие-то более привлекательные края (вывезя с собой и созданный капитал). Число людей, желающих счастливо и полнокровно жить в своём крае, отверженных просвещённому местному патриотизму и быть ответственными «держателями» ландшафта, весьма невелико.

Показательнее всего в связи с этим отношении к рекреации, в том числе, к рекреации оздоровительной – стремление проводить свой отпуск или даже уикенд за пределами ландшафта, в котором живёшь, или вообще за пределами своего региона является лучшим индикатором катастрофической некротизации ландшафта.

Пользуясь представлениями В. Л. Каганского⁸³ можно квалифицировать такой ландшафт как периферию (не смотря на ее географическое положение), со свойственной периферии некротизацией ландшафта. Единственным средством витализации ландшафта в такой ситуации является превращение периферии в провинцию.

⁸³ Каганский В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии исследования. М., Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72-101.

